

АЛЕКСАНДРУ СОЛЖЕНИЦЫНУ — 80!

Не в скорые дни писать бы о Александре Исаевиче Солженицыне и не с теми пропусками, что вынужденно делаются по газетному жанру, а неспешно полистать его книги, перебрать публицистику и обильно цитировать мысли, идеи, предложения. Но по сжатости времени, по всеобщей толкотне и раздробности наших состояний сказать бы то немногое, что давным-давно отстоялось в убеждении от прежних прочтений и последних, нынешних: «Россия в обвале», «Угодило зернышко промеж двух жерновов».

Говорить о каждой книге писателя, статье, романе — дело более специальное и долгое, но и в отдельности, без этого полного круга, не понять ни сути, ни принципов его творчества, ни того подвига, что совершен и вершится поныне в пределах человеческой жизни. Многих и многих наших классиков узнаешь по выбранной однажды теме, способе подачи героев и других специфических деталях, творчество же Александра Исаевича настолько многообразно и разнообразно, что всякий роман, рассказ, статья удивляют разностью и незнакомостью открываемого. В те далекие семидесятые годы, когда жарко спорили, хвалили и хулили написанное им, один из западных исследователей на полном серьезе заявил: писателя А.И. Солженицына не существует, потому что одному человеку невозможно быть специалистом в области медицины («Раковый корпус»), знать до донышка деревенскую жизнь («Матренин двор»), быть военным специалистом («Красное колесо»), исследовать всю лагерную систему страны («Архипелаг ГУЛАГ»), писать пьесы. Все написанное — дело рук группы, взявшей себе псевдоним «А.И. Солженицын». Странно, но улыбки «открытие» того критика не вызывает. Отойдя от книжной полки, смотришь на тесно составленные тома и в который раз поражаешься объему созданного. Не с черновиками и личной перепиской собрание, а очищенные, выверенные, отлежавшиеся, многоразу продуманные труды. Труды Духа.

К писательству Александр Исаевич подходит как к труду, тщательно взвешивая, отбирая, притесывая слова, чтобы точно вывести ту чистую «срединную линию», которая только и имеет истинную ценность. Не перекачнуться, не сфальшивить. Степень ответственности, налагаемая им на свою работу, может показаться чрезмерной. Кому придет в голову биться с редакторами, рецензентами и просто читателями за каждое слово, взятое из языка народа? Чего не уступит? Подумаешь, поменяли на гладкое, привычное! А.И. Солженицын же бьется и доказывает правомерность его употребления, а выходит, отстаивает наше право — говорить своим колоритным языком. И возвращает утерянное. Целый словарь составил!

Сколько же толков было после статьи «Как нам обустроить Россию?». Многие и не дочитали — язык непонятный. Иные утверждали: «Никогда не смогу говорить „обустроить“». Но вошло в повседневную речь, вернулось, зажило полноценно в нашем языке. Теперь поди попробуй обойтись без него. Целый синонимический ряд к нему выстроишь, а не заменишь — емкое. Слыхом хорошо понимает Александр Исаевич, что с уплощением языка беднеет мыслью, душой и сам народ, постепенно умирает, перерождается, а народы — «неповторимая грань замысла Божьего». Помню, перекачивал и перекачивал, укладывал в себе язык Ивана Денисовича и не раз казался: перебрал Александр Исаевич со «своеобычными» словами и выражениями. Не говорили так, невозможно так говорить. И лишь по прочтении книг, хранившихся в спецхране, стал докидывать: это мы говорим невозможным языком. Не добираем — мы, а не Иван Денисович с автором.

А вот и слово «доникать» — от

него. Наберите-ка на компьютере — отметится волнистой красной чертой: нет его в памяти машины. Тот, кто за границей из наших, видно, эмигрантов вбивал словарь, этого слова и не знает. Есть какое-то «доникать», есть и другие, а этого живого, многоцветного нет.

Пройдя для перепроверки институтских знаний теперь уже обратный путь: от литературы современной до древнерусской, прочтя всю русскую философию, прислушавшись к своей родне, сохранившей по сей день впитанное с детства в центральной России, убедился: язык Шухова — это язык России, какой лишь изредка слышал и считал чудачеством. Своими произведениями Александр Исаевич развернул целые фронты в битве за язык, потому, отчасти, и прятался его книги в спецхране спецхрана. Был такой. Самые крамольные книги держались в потемках внутреннего специального хранилища. На *просто запрещенных* стоял один штампик, а на *во всем запрещенных* — два. На всех книгах А.И. Солженицына, попавших в страну, стояло по два тех самых штампа, а точнее, клейма. Книги «врага народа» — «вражьи книги». И язык, значит, «вражьи». Получалось, на самом языке за-

ем на потом исправления, а то и перекалываем их на других. Вот так, второпях, был набит и текст моей «Косиножки». Не вычитанный должным образом, попал к Александру Исаевичу. После разговора о рассказе он предельно серьезно спросил: «Теперь скажите — кто вам печатал? Почему ошибки?» Сквозь землю от стыда провалиться. Выкнул что-то в ответ, а писатель посетовал: «Я же не мог рассказ так в журнал передавать. Неудобно». Крупнейший автор русской литературы сидел и сам исправлял опечатки в стороннем произведении! До сих пор в голове не уместается. На тексте же том прикрепил листочек с пояснениями и по пунктам. Ничего не упустил! И все по делу. Пример? На всю жизнь.

Предельная внимательность Александра Исаевича к своей работе и к работе других, самой жизни, сказывается и на художественности его произведений. Особенность книг писателя в том, что ни одно впечатление, событие не пропадает даром. Запах яблони, красота озера, радостно прыгающая собака на воле без привизы или обычная гроза — все обретает смысл первозданности, неповторимости. Даже поминание обычной травы несет в себе сокровенное —

это. И как точно! В Древней Руси существовал такой жанр: слово, когда текст говорил слушателю. Словами, произнесенными с интонацией, рисовали художественные картины, образы, передавали действие. При этом сохранялась живость устной речи. Между рассказчиком и слушателем была прямая связь. Произведения Александра Исаевича тоже сохраняют прелесть устной речи, и поэтому так чувствуется сила его слова, как и в древности, обращенного напрямую к слушателям. Он передает *слово из уст в уста*. Писатель возвращает нам то, что мы прежде имели всегда, — *способность говорить и слушать*. А значит, и учиться у самих себя.

Именно таким языком, словом разит он все черное в жизни, кое ему хорошо знакомо. Самое страшное — «Архипелаг», высканзанный, выкрикнутый им миру, при всех ужасах лагерной жизни просветляется убийственно едкой иронией. Страшно делается ничтожным, сжимается, усыхает. И мы, обалдело внимая сказанному, недоумоно вопрошаем: *Мы были такими? Это было с нами? Возможно ли это?* А Писатель-Боец ухватывает жернова, стирающие народ в лагерную пыль, и ими же крушит и крушит систему ГУЛАГ.

тель, ведя своих персонажей, как бы присутствует в них сам, передает им свой страданный фронт, лагерный опыт, подучает, как быть в обстоятельствах жизни. Перенимает и у них. И никогда не найдем — отчаяния. Впрочем, было однажды — арест архива. Но и признался же в этом в «Теленке» и навсегда одолел греховную мысль ненужности своей жизни. Близость через исповедальность в простых словах настолько пронизывает, понимает, что, забываясь, уже сам начинаешь подбадривать его героев, а то и самого писателя. Так и идешь с ним по всем страницам произведения, а кажется, и всей его жизни.

На счет жизни можно употребить и без «кажется». Тому дают основания и «Бодался теленок с дубом», и выходящее сейчас продолжение в «Новом мире» — «Угодило зернышко промеж двух жерновов». В них А.И. Солженицын весь на виду. Такой же и в жизни. Его неприхотливость в быту обескураживает многих и многих. Иностранцам, провожавшим его в рабочую столовую (когда выгнали из страны), было и не понять отказа отобеда в ресторане. Это понять можем, наверное, только мы, привыкшие к столовым с запахом больничных щей. И боль писателя об умерших от голода в лагерях, в коллективизацию, в войну. Да к еде, как эстетско-плотскому выражению состояния тела, у него и почтения-то никогда не было. Квашеная капуста, картошка, каша. Главное, чем всегда жил и живет он, — своим состоянием Духа.

По прочтении книг писателя очень зашло мне обсмотреть его вблизи, уяснить его целиком. Сравнить понятие с увиденным вблизи. И не ошибся в своих представлениях, полученных через книги. Прямая спина, развернутое — так, наверное, держались офицеры русской армии — плечи. А на лице — ни тени возраста! Живость глаз, жестот, эмоциональное говорение — все молодо. Мы тела крепим, а он Духом высоты берет. Еще раз смотрю на книги, прибавляю к ним издаваемые фондом мемуары, переписку, телефонные звонки, встречи, заботы о семье, и в голове не уместается объем работы писателя. А сколько дней потеряно на конспирацию, переезды да вычеркнуть годы лагерей. Временем, что ли, управляет? Похоже, так.

Течение времени, то стремительное, то тягуче вязкое, выступает почти самостоятельным художественным образом в крупнейшей военно-исторической эпопее «Красное колесо». Горючее бурление в революционном Петрограде: без следа сгорают мгновения, время кончается как зримое материальное вещество. И медленный его ход в царском вагоне. Здесь оно пока плотное, структурированное. Единый, обволакивающий, устойчивый поток. В сценах о любви оно невесомое, незаметное. Время в любви блаженно. Ток времени в эпопее отзывается на любое событие: искривляется по линии колонны демонстрантов с красными флагами, рассыпается, раскатывается по пустынным площадям. И везде оно — дорожное. И везде оно — последнее. Оно еще дает срок народу, Императору, войскам спастись от грядущего *Безвременья*. Но мало кто тогда это понимал. Не много понимаем и мы, хотя и издали себе в урок «Красное колесо». В эпопее Время расстреляли, проговорили, размазали, изрубили шапками. И не стало его. Не найдем мы его и в «Архипелаге ГУЛАГ», там его попросту нет. Там — *срока*.

А.И. Солженицын ниспосланной ему силой собрал, сколько мог, по России, по миру наше растратное, спрессовал его в тома книг и вернул нам в *Слове*.

Дай Бог ума распорядиться нам бережно его творениями и дай здоровья ему и всем его близким. А Дух его и так крепок, в пример всем живущим.

Павел ЛАВРЕНОВ.

ИЗ УСТ В УСТА

Господь под ноги людям постелил. Беспомощный, вылиплившийся, мокрый, дрожащий птенец — тайна, при всех космических достижениях человечества. Наш мир, уже бесцельно объясненный и показанный со всех сторон, в книгах писателя открывается вечной загадкой: что есть мы, прилепившиеся песчинками к оси Истории? Что есть сама История? От расширительных этих вопросов А.И. Солженицын не уходит в многомудрые абстракции, но ясно, на простых, конкретных примерах поступков, дел каждого из нас, дает свои ответы, так порой для нас неприятные из-за определенности и честности. Как нам быть? «Наше спасение — только в нашем самодействии, возрождаемом снизу вверх». Но мы же не способны пока к этому! «А пока не способны, то вот и правило: *Действуй там, где живешь, где работаешь!* Терпеливо, трудолюбиво, в пределах, где еще движутся твои руки». Принимать правду открыто, не корчиться заслонительной усмешкой — удел сильных. По плечу не всякому. Честные отношения требуют мужества. Таковы ли мы? Сам Александр Исаевич для себя определил этот вопрос раз и навсегда. Не солгал ни в одном своем произведении, предлагает, призывает, уговаривает, советует, увещевает всякого, прикоснувшегося к его книгам, к тому же самому. И помогает. Поддерживает. Протягивает руку.

Способность писателя живо вести разговор через книгу удивительна. Как здесь опять не коснуться языка? Согласно лингвистическим изысканиям, в языке прослеживается тенденция: как говорим, так и пишем. И наоборот. Это считается опасным, потому что происходит опрошение, обеднение языка. В творчестве А.И. Солженицына все иначе. Язык его произведений очень похож на разговорный — со всеми его междометиями, разрывами, стяжениями фраз и предложений, — но остается насыщенным. И речь персонажей, и авторская играют — так вполне удобно выражаться и в повседневной жизни, и это не будет выглядеть книжно.

При чтении возникает впечатление, что автор в яви говорит с тобой. Текст дышит, как дышит всякое истинное, классическое произведение. Образные слова заменяют целые объяснительные фразы. И кажется, писатель не написал, а записал за кем-то все

Опускает на головы вождам «Письмо» («Письмо вождам Советского Союза»), отбивается «Теленком» («Бодался теленок с дубом») от гонителей и братьев-писателей. И нам, всем нам подносит пышущие гневной болью «Образованщина», «Жить не по лжи». А.И. Солженицын никогда не жал и не ждал некоего часа, чтобы идти в атаку. Стратег и тактик в боях со Злом, сам себе полководец и сам же солдат, он доказал миру: «И один в поле воин». Хочешь не хочешь, а вспомнишь русские сказки — и сравнишь невольно. Перечитывая все вышедшее, вновь ловлю себя на мысли: ни одна строка не поблудела от времени, ни одно слово не потеряло вечности. Больше того, с отставанием, с течением лет, с книгами этими происходит нечто, что иначе как чудесным не назовешь. Я бы сказал, происходит их *саморост*. Система рухнула, а «Архипелаг ГУЛАГ» все страшнее. Во веки вечные будут тянуться к нам руки наших убиенных собратьев. Не дадут покоя их измученные души. Матрена давно погибла, но без «Матрениного двора» трудно помыслить нашу «нутряную Россию». И жив ли Иван Денисович? А и он нужен как воздух. Без его умения жить от труда рук своих нам и не подняться. Жжет совесть за безвиного Твритинова со станции Кочетовка. И совсем уж необычно, до горько-смешного, «Образованщина» тех лет и вся публицистика целокупно еще более интересны и актуальны в дни сейчасные. Для нас-то, поимевших уж теперь опыт всех экономических систем, хлебнувших всякого, только, быть может, и подходит время поразмыслить над написанным. А писатель совершил уже новый труд, написал и выпустил не менее жгучее и тяжкое: «Россия в обвале», в продолжение «Русского вопроса к концу XX века».

Интересность, легкость произведений Александра Исаевича строится на всем спектре человеческих эмоций, чувств, качеств. Его герои по-монашески суровы, упорными воинами стоят в опасности, умелые трудяги, просверкивают юродством. Полнее всего, пожалуй, это воплотились крестьяне, мужики: Иван Денисович Шухов и Арсений Благодарев («Один день Ивана Денисовича» и «Красное колесо»). А то вдруг все перекрывается извинительными нотками за неловкий укор, как в случае с гибелью той же Матрены. Писа-

те, ведя своих персонажей, как бы присутствует в них сам, передает им свой страданный фронт, лагерный опыт, подучает, как быть в обстоятельствах жизни. Перенимает и у них. И никогда не найдем — отчаяния. Впрочем, было однажды — арест архива. Но и признался же в этом в «Теленке» и навсегда одолел греховную мысль ненужности своей жизни. Близость через исповедальность в простых словах настолько пронизывает, понимает, что, забываясь, уже сам начинаешь подбадривать его героев, а то и самого писателя. Так и идешь с ним по всем страницам произведения, а кажется, и всей его жизни.

На счет жизни можно употребить и без «кажется». Тому дают основания и «Бодался теленок с дубом», и выходящее сейчас продолжение в «Новом мире» — «Угодило зернышко промеж двух жерновов». В них А.И. Солженицын весь на виду. Такой же и в жизни. Его неприхотливость в быту обескураживает многих и многих. Иностранцам, провожавшим его в рабочую столовую (когда выгнали из страны), было и не понять отказа отобеда в ресторане. Это понять можем, наверное, только мы, привыкшие к столовым с запахом больничных щей. И боль писателя об умерших от голода в лагерях, в коллективизацию, в войну. Да к еде, как эстетско-плотскому выражению состояния тела, у него и почтения-то никогда не было. Квашеная капуста, картошка, каша. Главное, чем всегда жил и живет он, — своим состоянием Духа.